
УДК 82 - 3 (091) (470)

ББК 83. 3 (3 = Рус)

К 95

Куцаенко Д.О.

Соискатель кафедры литературы и методики ее преподавания АГПА, e-mail: dmitriy_kutsaenko@mail.ru

Интерпретации концепта истории в романе «Доктор Живаго» (Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматриваются интерпретации концепта истории в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», сделанные отечественными и зарубежными исследователями с момента выхода романа до настоящего времени. Спектр мнений об интерпретации исторических событий в романе располагается от идеологически окрашенных до культурологических и историософских. История в «Докторе Живаго» рассмотрена как репрезентация «памяти культуры», творимой людьми, и конструктивное начало повествования.

Ключевые слова:

Пастернак, концепт, история, интерпретация.

Kutsaenko D.O.

Competitor for Candidate degree of Department of Literature and Techniques of its Teaching, AGPA, Pyatigorsk, e-mail: dmitriy_kutsaenko@mail.ru

Interpretations of concept of history in the novel «Doctor Zhivago»

Abstract:

The paper analyses the interpretations of concept of history in B.L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» made by domestic and foreign researchers from an output of the novel till now. The spectrum of opinions on interpretation of historical events in the novel changes from ideologically painted up to culturological and historiosophical. The history in «Doctor Zhivago» is considered as representation of «memory of culture», made by people, and the constructive force of a narration.

Keywords:

Pasternak, concept, history, interpretation.

Концепт истории в творчестве Б.Л. Пастернака выявляется, как и другие концепты, на основе анализа средств его репрезентации (в первую очередь, лексической) в текстах. Моделирование картины художественного мира писателя невозможно без представления о работе ее слагаемых. Как полагают исследователи, «концепты сводят разнообразие наблю-

даемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [6: 90]. Картина многооб-

разия концептов и их структура представлены в работе Ю.С. Степанова «Основы общего языкознания». Анализ концепта в этом свете представляется, как полагает Е.С. Кубрякова, «одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [1: 90]. В задачи данной статьи входит анализ литературоведческих интерпретаций выделяемого исследователями концепта истории в «Докторе Живаго». Важно отметить, что именно концепт истории, по нашему мнению, во многом определяет генезис персонажей романа.

Представление о том, как Пастернак понимал историю и как представление о ней отражалось в его творчестве, и в частности в «Докторе Живаго», неразрывно связано с его пониманием религии, философскими и эстетическими предпочтениями, с работой памяти. Проблема отношения Пастернака к религии также рассматривалась исследователями. История была в центре внимания писателя, поскольку проявлялась в сериях катастрофических событий, приведших к полной трансформации русского общества. Исследования отношения к ней Пастернака с момента выхода романа в свет сопровождаются, как правило, интерпретациями политического плана.

Так, по мнению М. Михайлова, революция как важнейшее событие истории представляет собой у Пастернака космическую катастрофу, и это является главным посылом «Доктора Живаго» [2: 252]. Несколько позже К. Пономарев выявил в романе пассажи, подтверждающие его мысль о том, что «Пастернак осудил коммунистическую революцию 1917 года как болезнь» [3: 70]. Разумеется, этот вывод был лишь заимствованным с противоположным знаком заключением редакторов «Нового мира», высказанным в письме с

отказом публиковать роман, посланном Пастернаку в 1956 году. Впоследствии подобное мнение повторялось в редких официальных комментариях относительно «Доктора Живаго», таких, например, как высказывания К. Зелинского.

Если отвлечься от чисто идеологических оценок, то можно сказать, что исследователи не испытывают трудностей в определении отношения автора и протагониста к событиям февраля и октября 1917-го. Так, С. Хэмпшир утверждает, что «revolution itself is represented as one of the few great events of human history» и полагает, что «it would be very gross and very dishonest to interpret this novel as primarily a condemnation of Soviet Communism» [4: 129]. Т.Ф. Роджерс не сомневается, что Живаго и сам Пастернак «awe of the revolution itself», и полагает, что роман «endorses the revolution by associating it with Christian symbolism in positive, mystical association of the revolution with Christ's passion and death» [5: 384–387].

И все же, без резких и идеологических оценок не обходится, особенно на Западе. В интервью, данном в 1972 году, В.В. Набоков, продолжая выражать свои нелицеприятные оценки «Доктора Живаго», сказал, что «any intelligent Russian would see at once that the book is pro-Bolshevist and historically false, if only because it ignores the liberal Revolution of spring, 1917, while making the saintly doctor accept with delirious joy the Bolshevist coup d'état seven months later – all of which is in keeping with the party line».

Г. де Маллак подчеркивает, что «Доктор Живаго» лишь в очень специфическом смысле можно считать осуждением сталинской эры, но тем не менее, приводит массу аргументов, подтверждающих, что это так. Н. Кьяромонте обращает также внимание на аналогии между историей и растительным царством, а также социализмом и морем и рассматривает доктора Живаго как элегическую фигуру, в памяти которой хранятся воспоминания

о русской революции. По мнению Д. Сегала, отношение Юрия Живаго к русской революции представляет собой историю скорее разочарования.

Некоторые пастернаковские трактовки деталей исторических событий, особенно хронологии Гражданской войны, были подвергнуты критике. Одним из первых выступил И. Дойчер, посчитавший, что роман представляет собой анахронизм и в идейном плане, и в стилистическом, что Пастернак идеализировал царскую Россию и испытывал ностальгию по буржуазному прошлому, хотя и представил «обвиняющую» точку зрения в лице «марксиста» Самдевятова. Его политический и исторический критицизм спровоцировал продолжение – работу И. Хоува. А.К. Гладков в своих воспоминаниях сообщает, что Пастернак отрицал то, что его роман контрреволюционный. Однако, сам Гладков находил «странные внутренние противоречия в романе» между почти авторским заявлением о том, что «человек живет не в природе, но в истории» и словами Пастернака о том, что роман порожден неисторическим образом [6: 161]. Негативные оценки И. Дойчера относительно проблемы истории в «Докторе Живаго» позже были возобновлены П. Сигелом, который пришел к выводу, что пастернаковское изображение революции «muddled and confused», искажено недостатком «of exploration of the causes of titanic events» и раскрашено невпопад [7: 186, 187]. Вопрос о точности хронологии в романе действительно может быть поставлен, и он ставился и рассматривался в основном зарубежными исследователями. О внешней и внутренней хронологии романа писал Д.Л. Джонс. Другие исследователи ставили в основу рассмотрения хронологии поездку семьи Живаго на Урал [8]. Хронологическую несогласованность в романе подверг анализу В.С. Франк.

По мнению В.Н. Альфонсова, «личность у Пастернака исторична, и история в романе совсем не только перемалывающая сила, произвольная и враждебная по отношению к природным, суверенным свойствам личности. История сама подобна природе, она прорастает, как природа, но она не природа, и их сближение (сопоставление) не всегда в пользу природы. В определенных аспектах мысли история приобретает доминирующую и глубоко «положительную», просветляющую роль. В романе развернута такая идея исторического бытия, в русле которой история не противовес вечности, а ее посыльный в мире, знак ее насущного значения и смысла» [9: 280]. История у Пастернака рассказывает, прежде всего, о совершающемся в человеческом мире, о поступках людей и их причинах. В то же время она представляет собой репрезентацию «памяти культуры», творимой людьми, является конструктивным началом повествования. Д. Быков полагает, что история и природа у Пастернака находятся в отношениях конфликта. Отношение писателя к истории – это не только перечень его высказываний, но, прежде всего, важнейшая характеристика его художественного мира, тем более, что она была им многократно эксплицирована в творчестве. В этом свете изучению подлежат как взгляды Пастернака на исторические события, интерпретации, которые он давал как событиям прошлого, так и явлениям современности, так и особенности понимания им хода исторического процесса, причин, следствий и смысла событий. Еще один аспект исследования концептуализации истории – влияние историографического дискурса на художественный мир у Пастернака. Как указывает Вяч. Вс. Иванов, истории Ключевского и Мишле Пастернак считал образцами литературы.

Примечания:

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 230 с.
2. Mihajlov M. Pasternak's Doctor Zhivago // Mihajlov M. Russian Themes / translated by M. Mihajlov. London, 1968. P. 250-263.
3. Ponomarev K. Boris Pasternak (1890-1960): Art of Self-Concealment // The Silenced Vision. An Essay in Modern European Fiction. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1979. P. 63-78.
4. Hampshire S. Doctor Zhivago: as from a Lost Culture // Pasternak. A Collection of Critical Essays / ed. by V. Erlich. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Inc., 1978. P. 126-136.
5. Rogers T.F. The Implications of Christ's Passion in Doctor Zhivago // Slavic and east European Journal. 1974. Vol. 18, № 4. P. 384-391.
6. Гладков А. Встречи с Пастернаком / предисл. Е.Б. Пастернака; прим. Е.Б. Пастернака, С.В. Шумихина. М.: Арт-Флекс, 2002. 288 с.
7. Segal D. Pro Domo Sua: the case of Boris Pasternak // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. I. P. 199-250.
8. Cornwell N. Pasternak's Novel: perspectives on «Doctor Zhivago». Essays in Poetics Publications. Keele: Keele University, 1986. № 2. P. 67-70.
9. Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.